

УДК 930.1
ББК 63

«НОВОЕ ПРОШЛОЕ»: ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ВЫСТАВОЧНЫЕ ПРОЕКТЫ КОНКУРЕНТОМ ИСТОРИЧЕСКОМУ НАРРАТИВУ?

опыт выборочного сравнения европейских
проектов по истории XX столетия*

М.А. Липкин

Аннотация. *Статья посвящена новым способам репрезентации «больших длительностей» через современные выставочные проекты. Анализируется опыт «домов истории» с акцентом на экспозицию проекта ЕС «Дом европейской истории» в Брюсселе. Автор приходит к выводу, что выставочные проекты по сложным вопросам «совместной истории» Европы, с одной стороны, помогают высветить отдельные черты эпохи (в особенности периода XX столетия), но с другой идут по пути упрощения и «клиповой» подачи материала. Выставочные проекты должны органично дополнять системное изучение истории в виде больших исторических нарративов, потребность в которых не исчезает, а только возрастает с приходом мультимедийной эпохи.*

Ключевые слова: *европеизация, Европа, всемирная история, двадцатый век, Европейский Союз, Дом европейской истории, европейская интеграция, синхронная история, СССР, холодная война.*

303

“THE NEW PAST”: ARE EXHIBITION PROJECTS
A CHALLENGER TO HISTORICAL NARRATIVE?

The Exercise in Selective Comparison of European Projects
on the History of the 20th Century

М.А. Lipkin

Abstract. *The article is dedicated to new ways of “long duree” history representation threw modern exhibition projects. The author analyses experiences of the leading “houses of history” with a special thrust on the EU project of the House of European History in Brussels. He comes to a conclusion that the*

* Статья написана в рамках госзадания ИВИ РАН «Новая всемирная история XX века» (№ 0174-2018-0017).

exhibition projects on complex issues of “shared European history” on the one hand are helpful in highlighting certain features of the period (especially in case of the 20th century history) yet on the other hand use oversimplification and “mosaic” way of data handling. Exhibition projects shall become the organic continuation of a systematic study of history in shape of big historical narratives, a demand of which not merely fall but also rise with the advent of multimedia era.

Keywords: *Europeanization, Europe, shared history, twentieth century, European Union, the House of European History, European integration, synchronic history, USSR, Cold war.*

В каждый период мировой истории находились историки, которые пытались представить «новое» прочтение прошлого, исходя из того объема информации и тех методологических инструментов, которые были им доступны. Однако если раньше речь шла преимущественно про увеличение объема информации, особенно в результате информационно-коммуникационной революции, которая коснулась и исторических наук на рубеже XX–XXI веков, то в последнее десятилетие все больше «новизны» появляется в поисках средств уменьшения объема информации, попытках объять мировую историю не путем системных исследований, а в рамках «клиповых» моделей репрезентации истории¹.

Все возрастающую роль в образовательном процессе начинают играть не учебники и не библиотеки или научные кружки, а различные проекты «публичной истории»: «фестивали науки»², телевизионные документальные, он-лайн и офф-лайн выставочные проекты [1].

Попытки написания глобальных историй прошлых столетий в рамках постмодернистской парадигмы все больше сами по себе напоминают выставочные проекты: «Всемирная история в ста объектах» (проект телерадиокомпании Би-Би-Си и Британского музея, обретший и текстовой вариант под редакцией директора Британского музея Нейла МакГрегора) [2], «История мира в 12 картах» [3] и т.п. Даже на шумевшая «Глобальная истории Франции» известного французского мэтра истории Патрика Бушерона (критикуемая как глобальными историками, так и национальными) представляет собою калейдоскоп отобранных автором ключевых дат в истории страны, повлиявших на ход мировой истории [4]. Появившиеся в ответ иные «истории», например полемизирующая с Бушероном работа под не менее амбициозным названием «Европейская история Франции», также не является системной историей страны или региона [5]. Примечательно, что эта региональная антитеза «Глобальной исто-

¹ В частности, в рамках такой модели вполне успешно позиционирует себя проект Южного Федерального университета — основанный в 2016 г. междисциплинарный журнал с акцентом на историческую антропологию и социологию «Новое Прошлое». — URL: <http://www.newpast.sfedu.ru> (дата обращения: 2.12.2018).

² Например, «Исторические встречи в Блуа» под Парижем, проводимые с 1998 г. и т.п.

рий» Бушерона, написана двумя соавторами, один из которых — археолог.

С одной стороны, это отражает возрастающее внимание к неписьменным источникам и методам исторической археологии и антропологии, переживающих бум на рубеже 1990-х — 2000-х годов. С другой — крайнюю сложность и затратность любых крупных исторических нарративов, построенных в парадигме «долгого времени». Немногие издательства (как правило, лишь самые крупные) и немногие историографические школы (лишь самые отчаянные) отваживаются на такие дорогостоящие и сложнокупаемые проекты [напр.: 6].

В последние десятилетия многие страны Европы создали свои «дома истории». Один из самых старых — «Дом истории ФРГ» в Бонне, в котором экспозиция делится на историю ФРГ и историю ГДР. Самый молодой — Дом австрийской истории в Вене (открылся в 2018 г.). Но, пожалуй, самый амбициозный и сложный как по композиции, так и по длительности создания, — проект Европейского Союза — «Дом европейской истории» в Брюсселе (открылся в 2017 г.). Расположенный в специально стоящем здании со входом со стороны Леопольд парк в самом центре города, он примыкает к комплексу официальных зданий Европарламента, чьим проектом изначально и является.

Безусловно, что как один из самых новых музейных комплексов, он изначально был задуман с целью показать мультимедийную мощь XXI века. Она сочетается с порядком 1500 артефактов из 35 стран, согласно официальной статистике. Интерактивность и совместимость с учебными

курсами, на которые рассчитаны квест-карточки с облегченной информацией для школьников у каждого из стендов, исторические «классики» на полу на последнем уровне и иные решения — безусловный плюс данного проекта. Вместе с тем, очевидно в силу деликатности многих моментов «общей истории», организаторы всячески уходят от фиксации каких-либо оценочных суждений. Однако, конечно, они есть, и нюансы спрятаны как в акцентировке и размещении наглядного материала, так и в комментариях к нему.

Все экспонаты сознательно не имеют подписей, только цифровые номера. Вся информация (и интерпретация) идет через описания и объяснения, которые содержит выдаваемый на входе мультиплеер. В правилах музея сразу обозначена монополия на историческую правду — запрещено проведение экскурсий кем либо, кроме сотрудников музея и, естественно, за музеем же сохраняется право на интерпретацию экспонатов в виде аудиороликов. Фотографирование внутри музея запрещено. Аудиоролики же никак нельзя зафиксировать документально, чтобы на их основе выстроить какую-то доказательную базу в случае несогласия с демонстрируемой в настоящий момент интерпретацией прошлого. Их также можно в любой момент чуть-чуть поменять. В этом сила и слабость электронных носителей.

Вообще следует сказать, что общеевропейское прошлое представлено весьма выборочно, с явным акцентом на историю идей, повседневную жизнь и идеологию. Это явление уже частично разбиралось в литературе, но, что примечательно в дан-

ном случае, в самом последнем зале аудиогид официально использует термин «европеизация» (europeanization), над содержанием которого предлагается поразмышлять посетителю [7]. Это означает, что термин из среды академических критиков официальных проектов ЕС с идеологической подоплекой был принят в официальный лексикон ЕС. Другим важным концептуальным моментом «Дома европейской истории» является то, что он представляет собой попытку параллельной, синхронной истории Западной и Восточной частей Европы. Это не история Европейского Союза, это гораздо шире, включая историю России/СССР.

Отсюда и непривычное тематическое наполнение экспозиций. 80% залов и экспонатов посвящены истории XX века! Вы не увидите ни каролингского возрождения, ни собственно Возрождения или Просвещения, ни наследия античности. Даже с учетом того, что проект несет на себе отпечаток его заказчика — европейских парламентариев, пропуск таких важных вех в европейской истории, при участии в пуле «официальных историков» Нормана Дэвиса, вызывает изумление.

После «дискуссионной» вводной экспозиции, построенной на различных изображениях мифа о похищении Европы и представлений об этом регионе картографами от античности до XIX века, посетитель сразу переносится в Новое время — время колониализма и революций. Как отмечается в аудиопредставлении к этой части музея, бедственное положение рабочего класса было следствием индустриальной революции. Динамизм «долгого XIX столетия» приводит к перекосам в

развитии цивилизации, что заканчивается общепризнанной вехой в истории Европы — 1914 годом, началом Первой мировой войны — первой индустриальной, массовой войны в истории человечества. Причины войны подаются в дискуссионном ключе — через как комплексные факторы (о которых «историки спорят»), так и действия конкретных людей. И здесь действительно представлена интересная экспозиция из переписки и документов ключевых лидеров европейских стран той поры, позволяющих судить о том, верили они или не верили в будущее военное столкновение. Впечатляет стенд с открытками с фронта простых солдат своим семьям на различных языках — он демонстрирует тотальность войны — 65 млн мобилизованных солдат по обе стороны воюющих альянсов!

Хотя в аудио пояснениях к стендам и не употребляется модный термин «европейской гражданской войны» правых и левых, межвоенный период подан с точки зрения противостояния тоталитарных и демократических ценностей. Впечатляют две хронологическо-визуальные карты идейно-политических перемен в Европе: европейских революций и перехода от демократических к авторитарным режимам. Революционные волны, которые пошли из России (почему-то ошибочно указана Москва, а не Петроград) и далее, пусть и в массе своей недолгие (1918–1920 гг.), но революционные государственные образования в виде Финской социалистической рабочей республики, Латвийской социалистической республики, Советской республики Венгрии, Баварской советской республики и т.д. Другой важной

динамической интерактивной картой представлено панно «Падение демократии: 1919–1939 гг.». На нем демонстрируется, в зависимости от выбранного посетителем года, в рамках этого периода, количество и территориальное распределение авторитарных режимов в Европе и их стремительный рост к 1939 году.

После этого предлагается перейти в зал «Тоталитаризм», где посетителю предлагается самому «сравнить и противопоставить» две системы: «идеологически оппозиционные друг другу, но столь похожие в своей тирании и бесчеловечности», как поясняет аудиогид. В зале в гнетущей полутьме представлены стоящие напротив друг друга стенды о сталинизме и гитлеризме. К чести составителей экспозиции, стенд о довоенном СССР представлен достаточно объективно. Например, обложка изданной в «Детгизе» книги Агнии Барто «Братишки» 1935 г. в оформлении Г. Ечеистова прекрасно визуализирует интернациональную сущность классового подхода, в отличие от расового национал-социализма [см.: <https://diktaturen.hdgoe.at/#/> (дата обращения: 14.12.2018)].

В этом плане экспозиция «Дома европейской истории» все-таки более объективна по сравнению с интернет-выставкой по теме «Европа диктатур» на сайте «Дома австрийской истории», где СССР межвоенного периода приписываются как одна из характеристик «преследования на почве расизма», что в корне не верно и может быть расценено как одна из распространенных в последнее время провокаций с целью оправдания нацизма и попыток поставить на одну доску нацистскую Германию и Советский

Союз. В этом плане примечательно, что в брюссельском «Доме европейской истории», на стенде Гражданской войны в Испании этот интернациональный, по сути, конфликт представлен как «период конфронтации правых и левых, демократии и диктатуры». При этом под диктатурой имеется в виду режим Франко. Роль СССР никак не упоминается, но мы то знаем, что это был и «наш» конфликт — только благодаря советской помощи республиканское правительство имело шансы победить и продержалась до 1939 года. Ни Франция, ни Великобритания в силу особенностей своих парламентских возможностей не были способны оказать существенную военную и кадровую поддержку Испанской республике в тех масштабах, что осуществлял СССР.

Вместе с тем, в «Доме европейской истории» проводится непрямой образ попытка подсказать якобы равнозначность роли принудительного труда в экономике СССР и Третьего Рейха. С одной стороны, признается, что Гулаг — не концентрационные лагеря и что масштабы этой системы в СССР были существенно меньше, чем в Германии, где изначально ориентированная на военные нужды экономика строилась на рабском труде. С другой, делается утверждение, что ГУЛАГ был основой экономики СССР во время войны, что откровенно противоречит фактам — система была не только пагубной, но и неэффективной, и составляла лишь пару процентов от ВВП [8, с. 53]

В пояснениях к германскому стенду говорится, что окончательной целью Гитлера были не провозглашаемые им освобождение мира от

коммунизма и «заговора евреев», а пространства и территория на востоке. И отмечается, что он вел войну «в нарушение всех законов ведения военных действий и заботы о правах человека». С учетом внимания к человеческим ценностям, в послевоенном периоде отдельный зал посвящен памяти о холокосте, который, с учетом признаваемой проблемы коллаборационизма в Западной Европе, является важной общей травмой, объединяющей страны-основательницы ЕС и входящий в обязательные образовательные программы.

В зале Второй мировой войны представлена как хронологическая карта событийных вех, включая основные даты военно-дипломатической истории, приведшие к войне, так и ключевые даты военных преступлений (например, отдельный стенд посвящен массовым бомбардировкам гражданских объектов и городов с той и другой стороны, массовым расстрелам вроде Бабьего Яра и т.п.). Особое внимание выставка уделяет карте «Изменение границ и вынужденная миграция», посвященной перемещению гражданского населения в результате Второй мировой войны — 20 млн депортированных и беженцев. С нее начинается тематический зал «Перестройка Европы», повествующий о послевоенном развитии.

Пожалуй, главным спорным тезисом этого зала является утверждение, что освобождение Европы применимо только к ее Западной части. Якобы произошла «замена нацистской тирании советской диктатурой под контролем СССР», — так расставляет «точки над и» аудиогид в начале осмотра. При этом удивительным образом «миф о реконструк-

ции» Западной Европы подается без акцента на роль США, которые диктовали условия выполнения многомиллионных американских кредитов своим западным союзникам. Любой серьезный историк знает, что предоставление американской «помощи» обуславливалось не только раскрытием стратегической информации со стороны страны-получателя финансов, но и исполнением рекомендаций куда и как вкладывать получаемые средства. Естественно, что аналогичные увязки существовали и с советской стороны в рамках восточного блока. Говоря о западной реконструкции, замалчивается реконструкция на востоке, которая несмотря на всю специфику политического строя тоже существовала и привела к восстановлению всей инфраструктуры в соцстранах параллельно восстановительным работам на Западе. Не случайно в тематической секции о социальном развитии Европы в 1950-х – 1960-х годах отмечается, что экономика бурно росла и на Западе, и на востоке Европы. Лишь с 1970-х начинается стагнация плановой экономики на фоне также переживавшей пертурбации рыночной Западной Европы. Преодоление шока от нефтяного кризиса 1973 г. далось ей немалой ценой. Стенды показывают проблемы, связанные с сокращением производства, массовой безработицей и борьбой работодателей с профсоюзами (в самой болезненной форме — в Великобритании 1970-х годов).

Интересные сравнения, отнюдь не характерные для картины угнетаемых стран Востока, приводятся в сфере образовательных реформ, которые почти параллельно происхо-

дят и на Западе, и на Востоке континента в 1960-е годы. И лишь на примере 1980-х картина неравномерности развития и доступа к «товарам народного потребления», дефицит на Востоке на фоне изобилия ассортимента на Западе наглядно демонстрирует экономические аргументы в пользу победы капитализма в мирном соревновании двух систем.

Вообще удивительно, но тема реконструкции Западной Европы подана очень сухо и лаконично — никаких восхвалений «плана Маршалла», никаких графиков и цифр полученной «помощи» из США. Просто заявляется, что для защиты от коммунистической угрозы шесть стран Западной Европы решили объединить свои усилия. Таким образом, де факто признается, что главным отцом-основателем ЕС был не Жан Монне, и не аргументы экономики большого масштаба, а Иосиф Сталин и та самая холодная война, которая подается исключительно через дуэль сверхдержав.

Пару имеющихся в экспозиции молчаливых постеров про «План Маршалла» можно акцентировать, а можно и пропустить — как будет угодно экскурсоводу. К слову сказать, есть там и постер про СЭВ — опять же, вроде есть и то и то, но сопровождающие эту часть экспозиции аудиоролики подадут холодную войну исключительно как конфликт сверхдержав — первая ядерная бомба появилась у США, вторая — у СССР. Причем «сверхдержавность» США проявилась через наглядную демонстрацию силы на примере бомбежки Хиросимы и Нагасаки, что демонстрируют соответствующие иллюстрации. Но странным образом, Запад стал не

доверять именно СССР после испытания ядерной бомбы на Семипалатинском полигоне в 1949 г.

С 1950-х в экспозиции появляются отдельные стенды с символикой ЕС, рассказывающие параллельно общей хронологии общеевропейских событий о ключевых моментах в истории ЕС. Особое внимание уделяется повышению качества послевоенной жизни, причем приводятся артефакты как из Западной, так и из Восточной Европы (например, можно «пощупать» своими руками модель югославского автомобиля «Застава»). Тема путешествий по Европе и повышения мобильности населения в обеих частях континента также удостоилась отдельного стенда.

Период 1989–1999 гг. представлен как конец холодной войны, который, однако не означал повсеместный мир. Вопреки американскому триумфализму, тут отдается дань памяти гражданской войны и этнических чисток в Югославии, чем и обусловлена европейская «долгая» датировка этого периода.

Странным образом в экспозиции «Дома европейской истории» почти отсутствует научно-технический прогресс. Есть зал про «социальную безопасность», понимаемую как комфорт и уровень жизни в 1950-х – 1960-х, но в остальном ни Юрия Гагарина как первого европейца, полетевшего в космос (о чем писали журналисты в процессе подготовки проекта), ни собственного европейского космического агентства, проекта самолета Конкорд и т.д. нет. Все подано исключительно с позиций идейной, политической и повседневной истории. Даже экономическая история представлена очень спорадически — в виде упоминаний

про общий рынок и символы «европеизации» — евро, т.д. Большое внимание к границам, демографическим процессам, правам человека и странное игнорирование тех областей, где, казалось бы, динамизм и конкурентоспособность Евросоюза достаточно очевидны.

В то же время несомненным достоинством экспозиции являются чисто выставочные новшества — например, решение визуализации политики разрядки. В зале воссоздана гостиная с мебелью в стиле 1959 г., на которой могут сидеть посетители. В центре по цветному ламповому телевизору того времени (с воспроизведением соответствующего качества передачи) транслируются «кухонные дебаты» на американской выставке в Сокольниках Н.С. Хрущева и Р. Никсона 24 июля 1959 г о том, чья система лучше. Этим достигается решение задачи полного погружения зрителя в описываемую эпоху.

В целом следует отметить, что бурное развитие современных выставочных проектов по сложным вопросам «совместной истории» Европы, с одной стороны, помогает высветить отдельные черты эпохи (преимущественно периода XX столетия, как наиболее остро дискутируемого), с другой, конечно, идет по пути упрощения и «клиповой» подачи материала. Новый позитивный момент в современных музейных проектах — размещение ключевых академических книг по тематике в конце экспозиции, как знак хорошего тона. Это является демонстрацией не противопоставления, а связки визуального языка общения с посетителями и углубленного, системного понимания базовых трендов мировой исто-

рии, которые дают фундаментальные монографические труды.

Тенденцией последних десятилетий стал пересмотр традиционной периодизации европейской истории в сторону включения персонажей и ключевых событий «новых» членов ЕС. Это также влечет и неизбежное включение истории России советской и пост-советской в общеконтинентальную картину. Синхронизация и проблематизация в подаче материала дает как новые возможности, так и ставит историков перед новыми вызовами в построении как учебных курсов, так и в написании исторических нарративов с позиции «больших длительностей». Пока отечественная историографическая школа адаптируется к новым условиям, приватизация советской истории продолжается не только на пост-советском пространстве, но и в масштабах расширенного Евросоюза. Это имеет как свои плюсы, так и минусы, и требует большей включенности в общеевропейский дискурс об общности исторических процессов и методологии компаративных исследований при реконструкции прошлого всего европейского континента. Новые выставочные способы визуализации прошлого подпитывают интерес к сложным макроисторическим исследованиям, спрос на которые возрастает в современном обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воронцова, Е.А.* Музей как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки [Текст] / Е.А. Воронцова; сост. Е.А. Воронцова. — М.: Этерна, 2015. — С. 40-60.

2. *MacGregor, Neil*. A history of the world in 100 objects [Text] / N. MacGregor. — Penguin, 2011.
3. *Brotton, Jerry*. A history of the world in 12 maps [Text] / J. Brotton. — N.Y., 2013.
4. *Boucheron, Patrik, ed.* Histoire mondiale de la France [Text] / P. Boucheron. — Paris, 2017.
5. *Fouquet, Claude, Garreau Sophie*. Histoire Européenne de France [Text] / C. Fouquet, S. Garreau. — Terra Cotta. 2018.
6. *Чубарьян, А.О.* Всемирная история в 6 томах [Текст] / А.О. Чубарьян. — М.: Наука: 2011-2018.
7. *Липкин, М.А.* В борьбе за «европейское историческое сознание»: может ли новая наднациональная история Европы научить бесконфликтному прочтению общей истории? [Текст] / М.А. Липкин // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2015. — Т. 6. — Вып. 11 (44) [Электронный ресурс]. — URL: <http://history.jes.su/s207987840001373-9-4> (дата обращения: 2.12.2018).
8. *Бородкин Л.И.* Гулаг в годы войны: мобилизационная экономика в экстремальном режиме [текст] / Л.И. Бородкин // Уральский исторический вестник. — 2018. — ; 4(61). — С. 46-54.

REFERENCES

9. Borodkin L.I., Gulag v gody voyny: mobilizatsionnaya ekonomika v ekstremalnom rezhime, Uralskiy istoricheskiy vestnik, 2018, No. 4(61), pp. 46-54. (in Russian)
1. Boucheron Patrik, ed., *Histoire mondiale de la France*, Paris, 2017.
2. Brotton Jerry, *A history of the world in 12 maps*, New York, 2013.
3. Chubaryan A.O., *Vsemirnaya istoriya v 6 tomah*, Moscow, Nauka, 2011-2018. (in Russian)
4. Fouquet, Claude, Garreau Sophie, *Histoire Européenne de France*, Terra Cotta, 2018.
5. Lipkin M.A., V borbe za “evropejskoe istoricheskoe soznanie”: mozhet li novaya nadnatsionalnaya istoriya Evropy nauchit beskonfliktnomu prochteniyu obshchej istorii?, *Elektronnyj nauchno-obrazovatelnyj zhurnal “Istoriya”*, 2015, T. 6, Vyp. 11 (44) [Electronic resource], available at: <http://history.jes.su/s207987840001373-9-4> (accessed: 2.12.2018). (in Russian)
6. MacGregor Neil, *A history of the world in 100 objects*, Penguin, 2011.
7. Voroncova E.A., “Muzej kak bazovoj ehlement informacionnoj infrastruktury istoricheskoy nauki”, in: *Rol muzeev v informacionnom obespechenii istoricheskoy nauki*, Moscow, Eterna, 2015, pp. 40-60. (in Russian)

Липкин Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник, директор, Институт всеобщей истории, Российская академия наук; профессор, Московский государственный институт (университет) международных отношений, mli@igh.ru

Lipkin M.A., ScD (History), Professor of RAS, Leading Researcher, Director, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Professor, Moscow State Institute (University) of International Relations, mli@igh.ru